

ИСТОРИЯ

УКД 327; 94

Д.А. Борисов, А.М. Сафаров

ИГИЛ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ АНАЛОГИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Исследуются возможности реализации в Центральной Азии разрушительных явлений и процессов, с которыми столкнулось международное сообщество на территории Ближнего Востока во втором десятилетии XXI в. На основе сравнительного анализа оцениваются негативные и позитивные социально-экономические и общественно-политические факторы региональной безопасности, а также вероятность повторения опыта «Исламского государства»¹ на пространстве Центральной Азии с учетом международных, региональных и национальных контекстов.

Ключевые слова: Центральная Азия; Ближний Восток; региональная безопасность; «Исламское государство»; экстремизм; терроризм.

Современная международная повестка безопасности продемонстрировала новые масштабы экстремистской и террористической деятельности. Традиционно неспокойный регион Ближнего Востока и Северной Африки смог «удивить» искушенное международное сообщество, явив новые масштабы разрушительных возможностей негосударственных субъектов. В этом контексте главным «черным лебедем» для международной безопасности стала террористическая группировка «Исламское государство», которая за короткий период прошла становление от локального террористического подполья в Ираке до резонансного транснационального феномена.

Схематично эволюцию «ИГ» можно составить из трех этапов. *На первом этапе* (2006–2010) будущая ИГ была сформирована на основе иракского подразделения «Аль-Каиды», получив название «Исламское государство Ирака». ИГИ действовала как локальная террористическая организация с целью захвата суннитской части Ирака [1]. *Второй этап* (2010–2014) характеризуется активной деятельностью нового лидера Абу Бакр аль-Багдади, который, самопровозгласив себя халифом, начал построение регионального квазигосударственного теократического образования на территории Ирака, Сирии и Ливана. В 2013 г. после слияния подразделений «Аль-Каиды» в Ираке и Сирии и сирийской «Джебхат ан-Нусра» «Исламское государство Ирака» преобразовывается в «Исламское государство Ирака и Леванта» [2]. На этом этапе ИГИЛ сформировало свою социальную и управленческую базу. Социальной опорой стали радикально настроенные сунниты Ирака, которые были недовольны дискриминацией в пользу шиитов, а руководящий воинский состав был укомплектован бывшими кадровыми военными армии С. Хусейна, оказавшимися под тяжелой и унижительной дискриминацией в новом Ираке [3]. В 2014 г. ходе эскалации иракского и сирийского конфликтов ИГИЛ удалось захватить крупные населенные пункты на северо-западе Сирии и северо-востоке Ирака, а после взятия Мосула и Тикрита ИГИЛ меняет название на «Исламское государство», провозглашая создание халифата на подконтрольных территориях [2]. *Третий период* в развитии «Исламского государства» характеризуется

трансформацией ИГ из регионального масштаба в транснациональный террористический феномен, обеспечивая расширение через процедуру присяги разрозненного террористического подполья. В частности, с 2014 г. начинает активно поступать информация о присяге на верность ИГ со стороны различных террористических организаций по всему миру, которые ведут свою деятельность на территории Афганистана, Пакистана, Узбекистана, Таджикистана, Алжира, Ливии, Египта, Саудовской Аравии, Йемена, Нигерии, Камеруна, Чада, Индонезии, Филиппин, России [2].

Стремительное расширение деятельности ИГ в международных отношениях закономерно порождает вопрос о возможности экспорта его идей и опыта в другие подсистемы международной безопасности, в том числе на территорию Центральной Азии. В данном контексте представлена попытка оценить перспективы развития деструктивных процессов в Центральной Азии сквозь призму сравнительного анализа ключевых детерминант региональной безопасности регионов Центральной Азии и Ближнего Востока.

Главной детерминантной региональной безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке последних лет стала слабость государственного управления, вызванная мультипликацией как внутренних, так и внешних причин. Можно выделить серию негативных факторов ближневосточной безопасности, которые способствовали деградации государственных институтов управления и заполнению вакуума власти негосударственными формами управления и развитию феномена ИГ.

Во-первых, негативное воздействие на устойчивость государств Ближнего Востока и Северной Африки оказала военно-политическая активность глобальных игроков. Военные интервенции в Ирак в 2003 г., Ливию в 2011 г. привели к свержению режимов С. Хусейна и М. Каддафи, что нарушило баланс сил между региональными лидерами и дестабилизировало внутреннюю обстановку в этих государствах. Далее внешнее участие продолжилось уже в рамках сирийского кризиса, где мы наблюдаем прямое или опосредованное вмешательство в ближневосточную конфронтацию конкурирующих центров мировой по-

литики. Военно-техническая и военно-политическая поддержка со стороны международных коалиций во главе РФ и США расширила спираль эскалации, что внушило уверенность в победе конфликтующим сторонам и добавило новых импульсов «горячей» фазе конфликта. Как следствие, региональные державы также сделали ставку на решение вопросов региональной конкуренции с помощью силы. Конфликт экономических, политических и идеологических интересов стран, претендующих на лидерство в регионе (Саудовская Аравия, Исламская Республика Иран, Турция, Израиль), вышел на более высокий уровень эскалации в условиях разбалансировки глобальных и региональных механизмов сдержек и противовесов. В итоге мы наблюдаем разные уровни военно-политической вовлеченности региональных государств в сирийский конфликт: от проиранских милитаризованных отрядов «Хезболла» и точечных авиаударов Израиля до масштабной турецкой наземной операции «Оливковая ветвь».

Во-вторых, важным фактором дестабилизации ряда ближневосточных государств стала слабеющая экономика и растущие социально-экономические проблемы. Мировой экономический кризис 2008 г. усугубил экономическое положение стран региона, спровоцировав волну массовых акций гражданского протеста. С 2010 г. так называемая «арабская весна» последовательно прошла по странам региона, где в основе гражданского протеста лежали социально-экономические требования, приведшие к требованию политических перемен политическим лозунгам: отсутствие экономических преобразований, экономическое неравенство и несправедливость, отсутствие демократических перемен [4]. В этом контексте необходимо указать, что экономики ближневосточных стран плохо справлялись с ростом численности населения, что спровоцировало резкий рост безработицы, в том числе среди молодежи [5]. В Сирии, например, эта ситуация к 2011 г. (началу конфликта) сложилась следующим образом: по данным ООН, население с 1990 по 2011 г. увеличилось с 12,3 до 20,6 млн чел. или на 67,5% [6]. За этот же период, по данным Всемирного банка, динамика безработицы среди молодежи также развивалась по нарастающей с 12,6% в 1991 г. до 35,6% в 2011 г., а средний показатель составил 22,58%. При этом общая средняя безработица за период с 1990 по 2011 г. составила 10,8% [7]. Соответственно, большое количество экономически неустроенной молодежи в странах Ближнего Востока в целом и Сирии в частности стали социальной основой и катализатором распространения активных протестных действий.

В-третьих, ближневосточная подсистема международной безопасности содержит серьезные религиозные противоречия, которые концентрируются вокруг антагонизма между шиитами и суннитами. Иран и Саудовская Аравия позиционируют себя как лидеров различных ветвей ислама. Соответственно, нарастание политико-экономической борьбы между представителями шиитов и суннитов в Ираке и Сирии автоматически отражается на внешней политике Тегерана и Эр-Рияда. На этой же основе существует ком-

плекс политических противоречий, в основе которого лежит широкая борьба за политическое лидерство и модели государственного управления в исламском мире. Основная линия разлома проходит между исламскими странами-монархиями и исламскими странами-демократиями, которые активно конкурируют в области формирования системы лояльности и поддержки среди остальных исламских стран. В этих условиях исламские государства, переживающие глубокий внутренний кризис, закономерно становятся ареной ожесточенной борьбы. Подсистема экономических противоречий выстраивается вокруг борьбы за энергетические рынки, контроля за источниками углеводородного сырья и инфраструктуры их доставки. Столкновение экономических интересов стран региона проходят между монархиями Персидского залива, которые закрепились как действующие лидеры – экспортеры углеводородного сырья, и континентальными странами Ближнего Востока, активно выходящими на мировые энергетические рынки [8].

В-четвертых, наличие в регионе открытых этнических конфликтов, которые в основном связаны с проблемой курдов в Турции, Сирии и Ираке. С одной стороны, курдские отряды самообороны «пешмерга» проявили себя как эффективные боевые единицы в борьбе против отрядов ИГ, с другой стороны, ни одно из ближневосточных государств не заинтересовано в развитии процесса строительства курдской государственности. Тем не менее курды настроены решительно: в сентябре 2017 г. руководство Иракского Курдистана провело референдум о независимости [9]; сирийские курды в 2016 г. провозгласили создание автономного округа на севере Сирии под названием «Рожава» (Западный Курдистан) [10]; турецкие курды за время сирийского конфликта серьезно обострили обстановку вдоль турецко-сирийской границы [11]. Этнические противоречия и попытки самоопределения национального меньшинства сохраняют высокий уровень напряженности в регионе.

В первом десятилетии XXI в. под действием внешней военной интервенции происходит разрушение регионального баланса сил и институтов государственного управления в ряде государств Ближнего Востока и Северной Африки. В этих странах религиозные террористические группы получили возможность участвовать в борьбе за власть. Расширение неопределенности в межгосударственных отношениях на фоне глубокого государственного кризиса ряда государств сформировало благоприятный микроклимат для дальнейшего укрепления террористических религиозных организаций. Эти группы смогли обеспечить собственную экономическую и социальную базу через захваты обширных территорий, получить доступ к финансам, оружию и поддержке на фоне противоречий между глобальными и региональными акторами. Произошел мультипликативный эффект негативных факторов в региональной подсистеме безопасности Ближнего Востока, который привел к появлению нового масштаба террористической деятельности, получившей название «Исламское государство». ИГ в ситуации кризиса институтов государственного управления в странах Ближнего Востока смогло стре-

нительно реализовать свой разрушительный проект, создав международную террористическую «франшизу» на экспорт.

Теперь предлагаем сравнить устойчивость государственных институтов Центрально-Азиатского региона (ЦАР) перед вызовами аналогичных угроз региональной безопасности, которые мы рассмотрели в ближневосточной подсистеме.

Первое отличие – качество государственных институтов стран Центральной Азии. В отличие от Ближнего Востока центральноазиатские страны демонстрируют поэтапное укрепление светских государственных институтов. Несмотря на сложные стартовые позиции государственного строительства в Центральной Азии, постсоветским среднеазиатским республикам удалось выработать стабильные модели государственного устройства на основе национальных особенностей социально-политической культуры. Эти модели проявили устойчивость во время серьезных внутренних кризисов: гражданская война в Таджикистане (1992–1997), серии государственных переворотов в Кыргызстане (2005, 2010), смена лидера в Узбекистане (2016) – во всех этих случаях государства региона продемонстрировали устойчивость институтов государственного управления. Положительная динамика фиксируется даже в спорном рейтинге несостоявшихся государств (Failed states index), где страны ЦАР улучшают свои показатели: в 2010 г. Узбекистан – 36 место, Таджикистан – 38, Кыргызстан – 45, а в 2015 г. Узбекистан – 51 место, Таджикистан – 57, Кыргызстан – 62 [12].

Второе отличие – динамический геополитический баланс между глобальными и региональными акторами в регионе. С разной степенью выраженности многовекторный и равноудаленный внешнеполитический курс «малых стран региона» (Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана) способствовал формированию позиционного стиля внешнеполитической активности как глобальных акторов (США, РФ, КНР), так и региональных держав в регионе. В частности, внешняя политика США, не имея явных союзников среди стран ЦАР, сконцентрировалась на афганском направлении, которое стало рассматриваться, с одной стороны, как геополитическая площадка для присмотра за деятельностью РФ, КНР и Ирана, с другой стороны, как элемент политической поддержки для продвижения экономических интересов американских компаний в энергетическом секторе. КНР и РФ изначально взяли курс на согласование правил межгосударственного взаимодействия в Центральной Азии и выработку совместных подходов в развитии региональных экономических и политических направлений. Свидетельством низкой интенсивности столкновения национальных интересов в ЦАР между глобальными акторами является вполне спокойная реакция США на решения о закрытии военных баз США в Узбекистане (Карши-Ханабад 2005) и Кыргызстане (Манас 2009). Соответственно, статус-кво между глобальными игроками в регионе и особенно внешней политики стран ЦАР скорректировали первоначальную активность внешней политики исламских государств в конце XX в. Турция на основе

идеи «пантюркизма», Иран на основе «персоцентризма» и Саудовская Аравия на основе «панисламизма» не смогли вовлечь малые страны Центральной Азии (ЦА) в орбиту своих внешнеполитических интересов, что привело к снижению амбиций исламских государств в XXI в. [13]. Специфика регионального дипломатического процесса в Центральной Азии скорректировала в сторону снижения масштабов и активности международных и региональных акторов, сформировав устойчивую систему сдержек и противовесов.

Дополнительно важно отметить существенную особенность ЦА от Ближнего Востока – это наличие общей границы с крупными центрами международных отношений РФ и КНР, которые активно участвуют в развитии взаимовыгодных отношений и равного дипломатического диалога внутри региона на многостороннем и двустороннем уровнях. В частности, действующая геополитическая диспозиция сдерживается деятельностью комплементарных межгосударственных институтов с пересекающимся членством между странами ЦА, среди которых можно отметить Шанхайскую организацию сотрудничества, Евразийский экономический союз, инициативу «Один пояс, один путь» и Организацию Договора о коллективной безопасности. Более того, подобные институты способствуют укреплению государственных институтов через развитие позитивной повестки в военно-политической, социально-экономической и гуманитарной сферах, а также снижению опасности традиционных и новых угроз и вызовов региональной безопасности. Например, китайская сторона очень активно расширяет свои экономические связи со странами региона. Товарооборот между Китаем и пятью центральноазиатскими республиками бывшего СССР – Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном вырос, по данным МВФ, с 1,8 млрд долл. в 2000 г. до 50 млрд в 2013 г. В это же время китайские инвестиции в регион с 2005 по 2015 г. составили 38,9 млрд долл. и приобретают долгосрочный характер с тенденцией на увеличение [14]. В этом же ключе действует и РФ, которая несмотря на собственные экономические проблемы вкладывает большие усилия и средства в развитие экономического сотрудничества со странами Центральной Азии. Так, объем накопленных российских инвестиций в регионе составляет порядка 18 млрд долл., а за последние пять лет совокупный объем российского содействия государствам Центральной Азии на двусторонней и многосторонней основе составил 6,7 млрд долл. [15].

Первое сходство в центральноазиатской подсистеме международных отношений с ближневосточными сценариями наблюдается в экономике. Современное развитие Центральной Азии характеризуется сохраняющимся низким уровнем социально-экономического развития, следствием чего является безработица, бедность, криминализация различных сфер, коррупция и возрождение клановой системы. Особенно остро эти проблемы проявляются в Таджикистане и Кыргызстане, отчасти в Узбекистане, где наблюдаются вызывающие тревогу высокие уровни неравен-

ства и бедности. К такому заключению пришли авторы исследования Программы развития ООН «Бедность, неравенство и уязвимость в странах Европы и Центральной Азии с переходной и развивающейся экономикой». В Таджикистане и Кыргызстане в условиях крайней бедности живут от четверти до трети населения, или примерно 6,7 млн человек [16]. Авторы исследования считают, что мировой финансовый кризис усугубил проблему бедности в регионе, где риск обнищания особенно высок для жителей сельских районов, а также для «новых бедных» (молодежь с высшим образованием, государственные служащие в сфере образования, здравоохранения, науки и искусства).

В ряде стран Центральной Азии, как и на Ближнем Востоке, имеет место резкий рост населения и высокие показатели по безработице, в том числе среди молодежи. Резкий рост населения с 1990 по 2017 г. наблюдается в Таджикистане – с 5,2 до 8,7 млн чел. (или на 67%), Узбекистане – с 20,2 до 30,5 млн чел. (или на 51%), в Кыргызстане – с 4,3 до 6 млн чел. (или на 40%) [6]. Средние показатели по безработице среди молодежи и общей безработице с 2006 по 2017 г. составили: Узбекистан – 15 и 8%; Таджикистан – 19,6 и 10,8%; Кыргызстан – 15 и 8% [7]. Однако вопреки негативной макроэкономической статистике странам Центральной Азии удается сохранять относительную социально-экономическую стабильность, не допуская роста числа безработных до критического уровня, в том числе молодежи, как это наблюдалось на Ближнем Востоке. Более того, за последние пять лет наблюдается постепенное снижение безработицы. В этом контексте важным фактором стабильности является близость и открытость рынка труда России, который принимает большую часть неустroенного населения Центральной Азии. В миграционном потоке из стран Центральной Азии в РФ участвует от 2,7 до 4,2 млн или от 10 до 16% экономически активного населения Центральной Азии [17]. При этом объем денежных переводов в республики Центральной Азии из России в 2013–2016 гг. составил более 37 млрд долл. [18]. Таким образом, свободное перемещение рабочей силы в рамках СНГ и ЕАЭС является важным стабилизирующим фактором для региона, заметно сглаживающим последствия экономической и социальной неустroенности стран региона, препятствуя формированию социальной базы протеста.

Устойчивость государственных институтов стран Центральной Азии перед макроэкономическими кризисными явлениями была подтверждена в 2015 г. Несмотря на целый комплекс негативных социально-экономических процессов: падение цен на мировых сырьевых рынках, масштабная девальвация национальных валют, давление на региональный рынок труда со стороны экономического кризиса в России и падающего курса рубля, страны региона смогли не допустить дестабилизации социально-политической обстановки и сохранить общественное равновесие, что подтвердилось относительно спокойным и предсказуемым прохождением выборов компаний 2016–2018 гг. в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане.

Второй тождественный с ближневосточными реалиями негативный процесс в Центральной Азии подтверждается наличием широкой сети неконвенциональных религиозных экстремистских организаций, которые декларируют свое участие в международном исламистском фронте по строительству «нового исламского халифата». Однако следует отметить нисходящее значение этого фактора. Восхождение политического ислама было вызвано кризисными событиями 1990-х гг., когда антикоммунистическая риторика признавалась достаточным основанием для легализации любых оппозиционных движений и организаций. По мере усиления государственной власти в государствах Центральной Азии, с одной стороны, и радикализации лозунгов исламской оппозиции, с другой стороны, светские и секулярные тенденции взяли верх, а деятельность исламских неконвенциональных радикальных организаций ушла в глухое подполье [18]. Последние относительно масштабные действия исламской оппозиции были отмечены в узбекском Андижане в 2005 г. На сегодняшний день в силу социально-экономической и политической специфики стран региона деятельность подобных организаций носит ограниченный масштаб, без широкой социальной поддержки и преимущественно сосредоточена в приграничных экономически-разделенных районах и анклавных территориях стран региона.

Социологические исследования центра «Шарк» приводят следующие цифры: 1) социальная база религиозного радикализма всех направлений в странах Центральной Азии составляет порядка 6–7%; 2) религиозно-политические лидеры пользуются гораздо большей известностью, чем богословы и теоретики терроризма (умеренный исламский богослов Тарик Рамадан пользуется большим расположением мусульман Таджикистана, по сравнению с радикалом Айманом Аль-Завахири) [23]. Однако важные выводы необходимо озвучить для более детального изучения в рамках отдельного исследования: (1) в процессе адаптации в стране пребывания трудовые мигранты выходят из-под социального контроля локальных форм ислама и становятся адептами глобального ислама, легче попадая в сети вербовщиков; (2) радикализация центральноазиатской молодежи происходит наиболее эффективно и масштабно в разнородной российской исламской среде, что представляет угрозу в первую очередь для общественной безопасности РФ и Казахстана, чем стран Центральной Азии.

В целом можно зафиксировать, что сложившиеся модели государственного управления в центрально-азиатских государствах позволяют сдерживать активность региональных террористических групп. Глобальный индекс терроризма (Global terrorism Index) четко фиксирует эту тенденцию: в 2012 г. Казахстан занял 47 место, Таджикистан – 59, Узбекистан – 87, Кыргызстан – 92; в 2015 г. Казахстан – 83, Таджикистан – 84, Кыргызстан – 86, Узбекистан – 124; в 2016 г. Таджикистан занимает 56-е место, Кыргызстан – 84 место, Казахстан – 94, Узбекистан – 117; на 1-м и 2-м местах находятся Ирак и Афганистан, на 14 – Турция, на 29 – Франция [19]. Согласно данному рейтингу большинство стран Центральной Азии находят-

ся в зоне «Наименьшего воздействия терроризма» (Lowest impact of terrorism).

Можно добавить, что для стран региона сохраняется актуальность наравне с силовыми методами антитеррористической борьбы наращивать превентивные социально-экономические и политические меры профилактики экстремизма и терроризма. В этом аспекте мы наблюдаем разное положение дел в странах ЦА. Например, по этому пути заметно продвинулся Кыргызстан, где, несмотря на целую серию политических кризисов (2005, 2010), удалось осуществить переход на парламентарную систему управления и активизировать работу государственных и общественных институтов, а страна в экспертном дискурсе получила красочное сравнение «Остров демократии» [20]. Иная ситуация складывается в Таджикистане, где в условиях нарастания политической борьбы происходит силовое давление как на светскую оппозицию, так и на представителей политического ислама, что приводит к популяризации экстремистских идей политической борьбы, в том числе на религиозной основе [21]. В этом контексте Таджикистан потенциально слабое звено среди стран региона, где дисбалансы социально-политического устройства могут привести к сплочению оппозиции под зелеными флагами радикальных религиозных движений, что находит отражение и в международных рейтингах.

Третье сходство между двумя подсистемами международной безопасности – в наличии продолжительного гражданского вооруженного конфликта. Проблеме Афганистана традиционно придается высокое значение в экспертно-политическом дискурсе, где афганский сюжет определяют как потенциальный катализатор дестабилизации центральноазиатской подсистемы международной безопасности, в том числе как плацдарм ИГ по пути в ЦАР [22]. Этот сюжет не так однозначен, как его представляют в экспертном и политическом дискурсе. Действительное положение идеологии ИГ в Афганистане очень шатко, регулярно фиксируются в СМИ столкновения между группами ИГ и движением «Талибан». В конце 2015 г. во время боевых столкновений лидер Исламского движения Узбекистана Усман Гази, присягнувший на верность ИГ, и еще около 50 боевиков были убиты, 60 попали в плен талибам [23]. Афганистан остается «вещью в себе», где социально-политические процессы носят ярко выраженный внутренний характер, а идеи религиозной интернациональной борьбы не находят сколько-нибудь значимой поддержки. Соответственно, варианты экспорта нестабильности в сопредель-

ные государства не рассматриваются в качестве основных задач для участников афганской социально-политической борьбы. Более того, движение «Талибан» все чаще фигурирует как антагонист ИГ в Афганистане, что добавляет вопросов касательно будущего этого движения в политической жизни страны.

Проведенный анализ показывает, что перспективы радикализации и формирования очагов нестабильности в центральноазиатской подсистеме международной безопасности с участием религиозных террористических группировок маловероятны в действующих условиях. Государства Центральной Азии за годы независимого существования выработали собственные модели государственного устройства, которые продемонстрировали устойчивость и постепенное укрепление государственных институтов. Благоприятная динамическая геополитическая стабильность со стороны и между крупными игроками региона обеспечивает благоприятные военно-политические и социально-экономические условия для мирного развития региона.

Радикальные идеи, в том числе установки ИГ, не получают широкой поддержки у населения и не могут устойчиво закрепиться в обществах стран Центральной Азии. Сохраняется социальная база радикализма в силу влияния социально-экономической неустроенности среди большого числа населения региона, но экономическая и политическая помощь РФ и КНР позволяют нивелировать эти негативные макроэкономические тенденции. В этом контексте, с целью профилактики экстремистских и радикальных практик важно обратить внимание на пропагандистскую, просветительскую и оперативно-правоохранительную работу среди трудовой молодежи в первую очередь в странах-реципиентах.

Опасения по поводу наступления идеологии ИГ с афганского направления представляются преувеличенными, поскольку на данный момент небольшие отряды ИГ встречают ожесточенное сопротивление со стороны основных группировок движения «Талибан», что не позволяет «Исламскому государству» закрепиться в Афганистане.

Среди национальных рисков наибольшее опасение вызывает Таджикистан, поскольку сохраняется внутренняя напряженность в борьбе за власть в стране, которая вкупе со скромными показателями экономического развития и силовым давлением на оппозицию требует от экспертного и политического сообщества более внимательного подхода к мониторингу ситуации в этой стране.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Организация запрещена на территории РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кронин О.К. ИГИЛ – не группа террористов // Россия в глобальной политике. 2015. № 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/IGIL--ne-gruppa-terroristov-17447>
2. Террористическая организация «Исламское государство». Досье // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/1264570>
3. Замуруев Ф.С. ИГИЛ и кризис государственности на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО. 2015. № 5 (44). С. 245–246.
4. Власти Сирии обещают пойти навстречу демонстрантам // BBC Русская служба. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2011/03/110324_syria_protests

5. Молодежная безработица в мире достигнет максимума за всю историю. 2010.08.13. URL: <http://www.rbc.ru/society/13/08/2010/5703dcf69a79470ab5023c4b>
6. Данные о численности населения стран мира по данным Отдела народонаселения при Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН // Статистический агрегатор «Countrymeters». URL: <https://countrymeters.info/ru>
7. Данные по безработице, в том числе среди молодежи, по данным Всемирного Банка // Статистический агрегатор «Countries.World». URL: <https://ru.countries.world/>
8. The wall street journal. Iraq, Iran, Syria Sign \$10 Billion Gas-Pipeline Deal. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424053111903591104576467631289250392>
9. Причины и последствия референдума о независимости Иракского Курдистана // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4584321>
10. Иванов, С.М. Вооруженные конфликты в Сирии и Ираке // Observer. 2017. № 3 (326). С. 14–24.
11. Мазур О.А. Позиция Турции по отношению к курдскому вопросу в Сирии // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2016. № 2. С. 177–184.
12. Индекс слабости государств (Failed States Index). 2018.03.25. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/failed-states-index>
13. Борисов Д.А. «Большая игра 2.0»: исламский мотив на пространстве Центральной Азии (1990–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 44–48.
14. Бордачев Т. Россия и Китай в Центральной Азии: большая игра с позитивной суммой // Россия в глобальной политике. 2016. № 4. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Rossiya-i-Kitai-v-Tcentralnoi-Azii-bolshaya-igra-s-pozitivnoi-summoi-18258>
15. Россия и Центральная Азия // МИД РФ. URL: <http://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>
16. Программа развития ООН. Бедность, неравенство и уязвимость в странах Европы и Центральной Азии с переходной и развивающейся экономикой. 2014. URL: <http://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/Poverty%20Inequality%20and%20Vulnerability%20%28Russian%29.pdf>
17. Рязанцев С. Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса // Валдайские записки. 2016. № 55. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-55/?sphrase_id=139200
18. Маркедовнов С.В. Модернизация по-центральноазиатски // Полит.ру. 2017.12.01. URL: <http://polit.ru/article/2007/08/24/centralasia/>
19. Глобальный индекс терроризма. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info>
20. РСМД. Лукьянов Г. Кыргызстан: «остров демократии» перед вызовом эффективного управления. 2017.06.23. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/>
21. В Таджикистане суд запретил Партию исламского возрождения // Lenta.ru. 2015.09.29. URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/29/pivt/>
22. Патрушев заявил о стремлении ИГИЛ создать «новые плацдармы» в Азии. 2018.04.06. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58e5f1d39a79471b3464cb00>
23. Усман Гази, лидер ИДУ убит в Афганистане? // Информационное агентство ОЗОДАГОН. 2017.12.01. URL: <http://catoday.org/centrasia/23187-usman-gazi-lider-idu-ubit-v-afganistane.html>

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2019 г.

ISIS in Central Asia: Middle East Analogies and Regional Features

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 101–107.

DOI: 10.17223/15617793/448/13

Denis A. Borisov, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia Federation). E-mail: denisborisov69@gmail.com

Asliddin (Marat) M. Safarov, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia Federation). E-mail: safarovmarat001@mail.ru

Keywords: Central Asia; Middle East; regional security; ISIS; extremism.

This study compares the prerequisites and basic factors of regional security in the Middle Eastern and Central Asian subsystems of international relations. The authors attempt to estimate the probability of a repeat of Middle Eastern scenarios and such phenomena and processes as the Arab Spring and ISIS in the Central Asian space. The article suggests the logic of the escalation of Middle Eastern conflicts in the context of national, regional and international processes. A comparative analysis of the sustainability of state structures of the Middle Eastern and Central Asian countries is carried out. The role of the regions in foreign policy concepts of global and regional actors is given. In particular, the current development of Central Asia is characterized by a persistent low level of socioeconomic development and, as a result, unemployment, poverty, criminalization of various spheres, corruption. The low quality of the work of state institutions is also recorded. The revival of the clan system, the growth of radical nationalistic and religious attitudes and the strengthening of authoritarian political regimes in the countries of the region are having a negative impact. The authors believe that despite the chronic nature of social and economic problems, the region manages to maintain relative social stability and stay free from a critical mass of radicalization, primarily in the youth environment. Short-term prospects for the formation of a center of instability in the Central Asian subsystem of international security with the participation of radical groups are unlikely. The countries of Central Asia manage to level out the aggravation of social contradictions with the help of external factors: economic assistance from the Russian Federation and the PRC and keeping open channels for labor migration. During the years of independence, the Central Asian countries succeeded in developing their own models of the state control system, which demonstrate the stability and step-by-step strengthening of state institutions. Positive dynamic stability between major world and regional players, extensive network of interstate institutions in the field of security and economic development provide conducive military-political and socioeconomic conditions for the development of Central Asia. In addition, the authors note the overassessment of the “Afghan factor” in the context of the supporting of security in Central Asia and also warn about the complication of public security because of religious extremism for recipient countries of labor migrants. Among the most unpredictable security positions at the national level is the difficult situation in Tajikistan, where it is not yet possible to form a workable economic and sociopolitical model of the country’s development.

REFERENCES

1. Kronin, O.K. (2015) IGIL – ne gruppa terroristov [ISIS Is Not a Terrorist Group]. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 2. [Online] Available from: <http://www.globalaffairs.ru/number/IGIL—ne-gruppa-terroristov-17447>.
2. TASS. (2015) *Terroristicheskaya organizatsiya “Islamskoe gosudarstvo”. Dos’je* [Terrorist organization “Islamic State”. A Dossier]. [Online] Available from: <https://tass.ru/info/1264570>.

3. Zamuruev, F.S. (2015) ISIS and Crisis of Statehood in the Middle East. *Vestnik MGIMO – MGIMO Review of International Relations*. 5 (44). pp. 245–246. (In Russian).
4. BBC Russian Service. (2011) *Vlasti Sirii obeshchayut poyti navstrechu demonstrantam* [Syrian authorities promise to meet the demonstrators halfway]. [Online] Available from: http://www.bbc.com/russian/international/2011/03/110324_syria_protests.
5. Rbc.ru. (2010) *Molodezhnaya bezrobotitsa v mire dostignet maksimuma za vsyu istoriyu* [Youth unemployment in the world will reach its maximum in history]. [Online] Available from: <http://www.rbc.ru/society/13/08/2010/5703dcf69a79470ab5023c4b>.
6. Countrymeters.info. (2019) *Dannye o chislennosti naseleniya stran mira po dannym Otdela narodonaseleniya pri Departamente po ekonomicheskim i sotsial'nym voprosam OON* [Data on the population of countries around the world according to the United Nations Population Division]. [Online] Available from: <https://countrymeters.info/ru>.
7. Countries.World. (2019) *Dannye po bezrobotitse, v tom chisle sredi molodezhi, po dannym Vsemirnogo Banka* [Data on unemployment, including among youth, according to the World Bank]. [Online] Available from: <https://ru.countries.world/>.
8. Hafidh, H. & Faucon, B. (2011) Iraq, Iran, Syria Sign \$10 Billion Gas-Pipeline Deal. *The Wall Street Journal*. 25 July. [Online] Available from: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424053111903591104576467631289250392>.
9. TASS. (2017) *Prichiny i posledstviya referendum a nezavisimosti Irakskogo Kurdistana* [Causes and consequences of the referendum on the independence of Iraqi Kurdistan]. [Online] Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4584321>.
10. Ivanov, S.M. (2017) Armed conflicts in Syria and Iraq and prospects of their decision. *Obozrevatel' – Observer*. 3 (326). pp. 14–24. (In Russian).
11. Mazur, O.A. (2016) *Pozitsiya Turtsii po otnosheniyu k kurdskomu voprosu v Sirii* [Turkey's position in relation to the Kurdish issue in Syria]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya – Bulletin of Perm University. Political Science*. 2. pp. 177–184.
12. Gtmarket.ru. (2018) *Indeks slabosti gosudarstv* [Failed States Index]. 25 March. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/ratings/failed-states-index>.
13. Borisov, D.A. (2016) “The Great Game 2.0” in Central Asia (The Beginning: 1990–2000). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 407. pp. 44–48. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/407/7
14. Bordachev, T. (2016) The Great Win-Win Game. *Rossiya v global'noy politike – Russia in Global Affairs*. 4. [Online] Available from: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Rossiya-i-Kitai-v-Tsentrlnoi-Azii-bolshaya-igra-s-pozitivnoi-summoi-18258>. (In Russian).
15. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2019) *Rossiya i Tsentral'naya Aziya* [Russia and Central Asia]. [Online] Available from: <http://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>.
16. UNDP. (2014) *Bednost', neravenstvo i uyazvimost' v stranakh Evropy i Tsentral'noy Azii s perekhodnoy i razvivayushcheysya ekonomikoy* [Poverty, Inequality, and Vulnerability in the Transition and Developing Economies of Europe and Central Asia]. [Online] Available from: <http://www.eurasia.undp.org/content/dam/rbec/docs/Poverty%20Inequality%20and%20Vulnerability%20%28Russian%29.pdf>.
17. Ryazantsev, S. (2016) *Trudovaya migratsiya iz Tsentral'noy Azii v Rossiyu v kontekste ekonomicheskogo krizisa* [Labor migration from Central Asia to Russia in the context of the economic crisis]. *Valdayskie zapiski*. 55. [Online] Available from: http://ru.valdaiclub.com/a/valday-papers/valdayskaya-zapiska-55/?sphrase_id=139200.
18. Markedovnov, S.V. (2007) *Modernizatsiya po-tsentrln'oaziatski* [Modernization in the Central Asia way]. *Polit.ru*. 1 December. [Online] Available from: <http://polit.ru/article/2007/08/24/centralasia/>.
19. Gtmarket.ru. (2019) *Global'nyy indeks terrorizma* [Global Terrorism Index]. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info>.
20. Luk'yanov, G. (2017) *Kyrgyzstan: “ostrov demokratii” pered vyzovom effektivnogo upravleniya* [Kyrgyzstan: “the island of democracy” facing the challenge of good governance]. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/>.
21. Lenta.ru. (2015) *V Tadjikistane sud zapretit Partiyu islamskogo vozrozhdeniya* [In Tajikistan, the court banned the Islamic Revival Party]. 29 September. [Online] Available from: <https://lenta.ru/news/2015/09/29/pivt/>.
22. Rbc.ru. (2018) *Patrushev zayavil o stremlenii IGIL sozdat’ “novye platsdarmy” v Azii* [Patrushev stated the desire of ISIS to create “new bases” in Asia]. 6 April. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58e5f1d39a79471b3464cb00>.
23. OZODAGON. (2017) *Usman Gazi, lider IDU ubit v Afganistane?* [Usman Ghazi, IMU leader killed in Afghanistan?]. 1 December. [Online] Available from: <http://catoday.org/centrasia/23187-usman-gazi-lider-idu-ubit-v-afganistane.html>.

Received: 26 March 2019